УДК 355.01

Мельничук Е.С.

Социальные изменения в мегаполисе: теоретическое осмысление

Статья посвящена анализу социальных изменений, происходящих в мегаполисе. Внимание уделяется вопросам развития городского поселения, социальным изменениям в городе. Проанализированы характерные черты мегаполиса; обосновывается мысль о том, что мегаполис является совокупностью взаимодействий субъектов социального управления и социальной самоорганизации граждан.

В данной статье предпринята попытка раскрыть основные социальные изменения в мегаполисе.

Ключевые слова: социализация, адаптация, молодежь, мегаполис, Москва, социальные изменения, социально-культурные трансформации.

Местом концентрации социокультурных трансформаций и выразителем этого процесса становится современный город – исторический пример реализации культурного синтеза через постоянное взаимодействие множества людей. Все более стремительным становится темп жизни в городах, активнее развивается общественное сознание. Наиболее ярко эти процессы происходят в мегаполисах, число которых, в свою очередь, неуклонно растет. Гигантские города, образовавшиеся в результате слияния нескольких, а затем и множества поселений, население которых достигает миллионов и десятков миллионов человек, – это и есть результат процесса урбанизации, усложнения социальных отношений, коренных изменений в информационно-коммуникативных потоках, набиравших силу в течение ушедшего века.

Определяя понятие «города», Макс Вебер подчеркивал общее условие для всех городов: город «представляет собой замкнутое (во всяком случае, относительно) поселение, «населенный пункт», а не одно или несколько расположенных жилищ». Город – большое поселение. С социологической точки зрения этот признак города раскрывается как поселение в тесно соприкасающихся друг с другом домах, которое настолько велико, что в нем отсутствует специфическое для общества соседей личное знакомство друг с другом[1].

Рассуждая о ретроспективе развития городских скоплений, Эдгар Морен, во-первых, подчеркивает, что в них «взаимная игра средств информационной коммуникации осуществляется все более и более стохастическим образом». Вторая идея Э. Морена связана с акцентом давления «со стороны возрастающих процессов обмена и взаимодействий», что «влечет за собой возникновение письменности, методов вычислений, рукописного копирования, почты, а затем книгопечатания, книги, журнала, ротапринтной печати, офсетной печати, телеграфа, телефона, кино, радио, магнитофонных записей, дисков, телевидения»[2].

Предварительный анализ теоретических подходов к исследованию проблем мегаполиса показывает, что мировые города находятся в фокусе глобальных информационных сетей, связаны с реализацией экономики знаний, являются центром политической жизни, влияя на развитие актуальных социально-экономических, демографических, культурных процессов. И еще один существенный момент. Мы рассматриваем мегаполис в контексте «глобально-локальных» проблем развития городов[3].

В этом контексте следует поддержать идею Н.Н. Моисеева о возникновении научной дисциплины «экологии городов», которая учитывает процессы естественной самоорганизации мегаполиса. Надо научиться «строить» мегаполисы как формы организации жизни[4].

Вслед за Н.Н. Моисеевым мы наблюдаем один из феноменов, оказывающих большее влияние на развитие культуры, политики и всего образа жизни. Крупные города не просто стремительно растут, поглощая окрестные селения, они сливаются друг с другом, образуя

мегаполисы с населением во многие десятки миллионов человек. В ближайшие годы следует ожидать дальнейшего увеличения крупных городов и постепенное угасание малых. Все это требует разработки концептуальных подходов к изучению мегаполиса и, прежде всего, социальных изменений в мегаполисе.

И самое существенное в контексте осмысления социальных изменений – мегаполис как сообщество, «коллективное единство» представляется как «совокупность взаимодействующих людей»[5]. И само общество, по П.А. Сорокину, «существует не «вне» и «независимо» от индивидов, а только как система взаимодействующих единиц, без которых и вне которых оно немыслимо и невозможно».

Есть основание также предположить, что исследование социальных изменений в таких мегаполисах, как Москва, Санкт-Петербург, опирается на совокупный опыт и логику социальных изменений в России, которые, в свою очередь, являются социальным локомотивом направленности общероссийских изменений. Таким образом, при исследовании социальных изменений в мегаполисе необходимо подчеркнуть, что он подвержен социально-управленческому воздействию, но при этом остается сверхсложной системой социальной самоорганизации, то есть автопоэтической системой. Как отмечают исследователи, при принятии управленческих решений следует учитывать внутренние тенденции развития самой управляемой системы[6].

Рассуждая об этом, постараемся не забывать методологическую установку Пьера Бурдье о том, что вершина мастерства в социальных науках заключается в умении быть вовлеченным в очень высокие «теоретические» материи благодаря весьма определенным, а зачастую, несомненно, очень земным, если не ничтожным, эмпирическим объектам[7]. Важно отметить, что мегаполис, прежде всего, состоит из его жителей, социальных связей между ними, то есть является институтом (системой институтов), удовлетворяющим социальные потребности населения. Иначе говоря, мегаполис принадлежит к явлениям высшей социальной реальности, связанной с глобальными процессами.

Многие авторы, изучающие социальные проблемы больших городов, подчеркивают социальные ритмы, единство многообразия потребностей и интересов обитателей, переходящее в общее будущее, манящую новизну продуктов и переживаний, высокий уровень и концентрацию общения, межкультурной коммуникации, комфортное проживание населения. Но и одновременно отмечаются некомфортные условия жизни, транспортный коллапс, колоссальный рост бюрократии и бюрократизации, сложность структуры управления, нарастание социальных противоречий.

Такая концентрация производства товаров, услуг, идей, смыслов, ритмов объясняется не только количественными факторами. В подавляющем большинстве мегаполисов производительность труда выше, чем в остальной части страны (особенно в американских городах, в Европе разница меньше). Жители мегаполисов больше работают и обладают более высокой квалификацией, а темп роста городского валового продукта обгоняет национальный ВВП.

Мегаполисы притягивают человеческий капитал, финансы, инновации. По расчётам экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) существует экономически оправданный предел роста мегаполиса – 7 млн человек. Дальше связь между количеством населения и ВВП, а также качеством жизни становится отрицательной[8]. Этот социальный факт может иметь значение для исследования социальных изменений в мегаполисе.

Социолог постмодерна Жан Бодрийяр, описывая современное общество, видит суть проблемы критической массы в том, что по мере роста концентрации населения разрушается сама социальность. Он считает, что «бурный рост населения, расширение сетей контроля, органов безопасности, коммуникации и взаимодействия, равно как и распространение внесоциальности» приводят к имплозии реальной сферы социального, приводят к эффекту перенасыщения информацией. Эпицентром этих процессов современного общества, по мнению Ж. Бодрийяра, является именно современный мегаполис[9].

Автор приходи к выводу, что сбывается предупреждение Н.Н. Моисеева о том, что «модернизация необходимо рождает предпосылки для столкновения цивилизаций. Не стран и народов, как в былые времена, а цивилизаций»[10]. Тем более, что научно-технический прогресс стал основанием качественного роста индустриализации, роста культуры, медицины, снижения смертности, продления жизни, существенных изменений духовно-нравственных ориентиров. Он же продолжает создавать вызовы и угрозы населению от опасно развивающейся окружающей среды.

Подчеркнем, что, по В.К. Трофимову, особенности социальных изменений в России отражают своеобразие национальной культуры, в которой выделяются ее основные сущностные качества: 1) созерцание сердцем, 2) без-

мерность жизненного порыва, 3) стремление к абсолютным ценностям, 4) «мы»-психология, 5) парадоксальность ментальных проявлений, 6) любовь к свободе, 7) национальная стойкость, 8) всечеловеческая толерантность. Эти основные качества находятся в глубокой диалектической взаимосвязи и в их целостной совокупности составляют своеобразную внутреннюю «картину мира» русского менталитета[11].

Отмечу, что многие другие исследователи также рассматривают национальный менталитет в качестве своеобразного внутреннего «кода» российского социума, который обеспечивает преемственность исторического развития России и во многом программирует специфику ее судьбы и культуры.

В специальной литературе отмечается дисбаланс между такими основными стратификационными параметрами, как статус, престиж, доход, образование. Хорошее образование далеко не всегда обеспечивается приличным доходом, а высокие доходы не всегда означают наличие хорошего образования.

Указанные тенденции прямо и непосредственно относятся к мегаполису, имеющему, в свою очередь, собственные внутренние тенденции социального развития. Обратимся к выяснению специфики тех социальных изменений, которые и порождают собственное развитие мегаполиса.

Могут быть полезны, к примеру, концептуальные подходы к выявлению некоторых мегаполисных тенденций, предложенные В.И. Моисеевым. К ним могут быть отнесены: высокие социально-бытовые технологии; изменения гендерных отношений, изменения личностной тождественности, расширения массовой культуры, уход значительной части молодежи в виртуальные пространства.

Наши исследования позволяют определить в качестве гипотезы социальные изменения, которые носят доминирующий характер и сказываются на других типах социальных изменений.

Выделю среди них доминирующую роль в социальной жизни мегаполиса информационно-коммуникативных изменений. Предстоит выявить реальную роль информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», мобильной связи, астрономического количества телевизионных каналов, объемы сетевых коммуникаций, других форм межличностного взаимодействия. Можно предположить, что эти и другие информационно-коммуникативные формы коренным образом меняют сознание людей, в первую очередь молодых людей. Возможно, меняется природа человеческого существования в городе.

Недаром А. Гор, известный эксперт в отношениях с «третьим миром», подчеркнул, что мы наблюдаем кризис образования на фоне избытка информации. Поскольку образование есть процесс переработки знаний, нам кажется проще генерировать новые факты. Способ передачи информации, которым мы пользуемся, может изменить нас самих. Все информационные технологии создавали и определенные формы искажения. Развивая определенные чувства, способности или возможности больше чем другие, технологии могут глубоко изменить наше восприятие мира, а затем и наши взаимоотношения с ним[12].

Таким образом, Москва, как мегаполис, представляя сверхсложные информационно-коммуникативные проблемы, переживает, тем не менее, «процесс коммуникационного сжатия мира», превращения его в «мировую деревню», где люди «составляют единое общество»[13].

В качестве гипотезы предполагаю выявить реальную роль духовно-культурных изменений в мегаполисе. Очевидно, что происходят существенные изменения в ценностных ориентациях, особенно в молодежной среде. Проблему в исследовании может составить наличие различных идеологических установок, диалог и столкновение различного рода конфессий, этнических групп, многосубъектность в духовно-идеологической среде.

В трудах социологов, изучающих проблемы духовной культурной жизни, обратим внимание на неоднократное подчеркивание регулятивной роли культуры в переходе к устойчивому развитию, что в полной мере имеет отношение к социальным изменениям в мегаполисе[14].

Возможно, наибольший интерес представит выявление качественных изменений в социальном времени и пространстве мегаполиса, ориентации социальных изменений в будущее, построение паттернов и социальных моделей будущего, преодоление шока от будущих перемен.

Представляет интерес предложенная В.С. Карпичевым концептуальная модель социальных изменений в российском социуме (доминирующие тенденции). Среди них – качественные изменения взаимодействия государства, общества, рынка, поиск взаимоСОдействия управления и социальной самоорганизации; нарастание сложности (Мишель Крозье) взаимодействий между людьми, их образованиями и институтами, многосубъектность социума, управление сложностью;

нарастание социальной непредсказуемости, неопределенности, высокая эмерджентность, рискогенность; доминирование новой рациональности, включающей иррациональность как норму и ценность, альтернативность, императивы; кардинальное изменение роли знаний и информации, возвращение к «homo sapiens» (человеку разумному), изменение смыслов человеческой культуры, «самого человеческого существования» (Н.Н. Моисеев). Опережающая социальная адаптация к изменениям, «адаптироваться к переменам можно только изменяясь» (Э. Тоффлер); сверхглобализация, диалог и «столкновение цивилизаций» (С. Хантингтон), борьба за ресурсы; «партнерский» диалог субъектов социума с природой и технологией, эффективный ответ на вызовы и угрозы XXI века[15].

На наш взгляд, причину социальных трансформаций следует искать, прежде всего, в экономической стабильности и социальной защищенности городов-мегаполисов. Тем не менее, развитие мегаполисов не может снимать возможности для развития небольших городов и поселений в организации сил, ресурсов, привлечения различных акторов для оживления экономической жизни, развития территорий и улучшения экологии, а также повышение качества управления этим городом.

В сложных системах, к которым относится любая система с участием человека и, прежде всего, мегаполис, недостаточно традиционного поиска причин и следствий изменений. На языке постнеклассического знания в этих системах действует принцип кольцевой причинности. Он предполагает, что причины и следствия постоянно меняются местами, причина становится следствием, а следствие – причиной. В мегаполисе происходят кардинальные изменения под влиянием внешних и внутренних факторов, возникают прямые и обратные связи. Подчеркнем: человек в этой системе может активно вмешиваться в процесс конструирования новых сложных структур. И еще один момент – сложные системы имеют не только некоторую глубину памяти, но и влияние, притяжение будущего, и индивид может конструктивно использовать это влияние будущего с попаданием ее в область притяжения определенного аттрактора[16].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Мегаполис в социологическом аспекте – совокупность взаимодействий субъектов социального управления и социальной самоорганизации граждан, характеризующаяся солидарностью, сплоченностью, информационно-коммуникационными связями и отношениями, высокой культурой организации жизни и духовности, происходящая в социокультурном и информационно-коммуникативном пространстве. При этом он остается «плавильным котлом» культур и цивилизаций, порождает новые и новые проблемы, среди которых – утрата идентичности в субкультуре молодежи, утеря многих мотивационных установок, требующих изучения и решения.

Исследование социальных изменений в мегаполисе может опираться на социальные взаимодействия между людьми, их образованиями (социальными группами) и институтами, которые, в свою очередь, представляют собой многоуровневую систему взаимодействий, отношений, связей, коммуникаций.

Идея П.К. Анохина об опережающем отражении действительности[17] может быть отнесена и к социальной действительности, в контексте социальных изменений. Она имеет значение социального механизма для социологии конструирования социальной реальности, не только объясняющей и «понимающей», но и реально дополняющей социологию управления и социологию социальной самоорганизации, потребность и предпосылки в которой рождает мегаполис.

References

1. Veber M. Gorod. Ponjatie i kategorii goroda [Concepts and categories of the city], Izbrannoe, Obraz obshhestva, – M.: Jurist, 1994, p. 309. (In Russ.)

2. Moren Je. Vozrozhdennaja i porozhdajushhaja organizacija [Revived and generating organization], Metod. Priroda Prirody, – M.: Progress-Tradicija, 2005, p. 388. (In Russ.)

3. Kazancev V.I., Svetun'kov M.G. Sociologija goroda [Sociology of the city], uchebno-metodicheskoe posobie, Ul'janovsk.: UlGTU, 2004, p.127. (In Russ.)

4. Moiseev N.N. S mysljami o budushhem Rossii [With ideas about the future of Russia], – M.: Fond sodejstvija razvitiju social'nyh i politicheskih nauk, 1997. (In Russ.)

5. Sorokin P.A. Javlenie vzaimodejstvija kak kollektivnoe edinstvo [The phenomenon of interaction as a collective unity], Teoreticheskaja sociologija: Antologija, V 2 ch, Ch. 2, – M.: Knizhnyj dom «Universitet», 2002, p. 170. (In Russ.)

6. Knjazeva E.N. Sinergeticheski konstruiruemyj mir [Synergistically constructed world], Sinergetika: budushhee mira i Rossii, – M.: LKI/URSS, 2008. (In Russ.)

7. Burd'e P. Opyt refleksivnoj sociologii [Experience of reflexive sociology], Teoreticheskaja sociologija: Antologija, V 2 ch, Ch. 2, – M.: Knizhnyj dom «Universitet», 2002, p. 376. (In Russ.)

8. Jashina G.A. Moskva: ot Kremlja do okrain Rossii?[Moscow: the Kremlin to the suburbs of Russia?], federal'noe internet-izdanie «Kapital strany», 18.01.2012. (In Russ.)

9. Vil'kovskij M.B. Sociologija arhitektury [Sociology of architecture], – M.: Fond «Russkij avangard», 2010, p.p. 33–34. (In Russ.)

10. Moiseev N.N. Rasstavanie s prostotoj [Parting with simplicity], – M.: «Agraf», 1998, p.334. (In Russ.)

11. Trofimov V.K. Dusha Rossii: istoki, sushhnost' i sociokul'turnoe znachenie russkogo mentaliteta [Soul of Russia: origin, nature, and socio-cultural significance of Russian mentality], Monografija, 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe, Izhevsk, 2010, p. 333. (In Russ.)

12. Gor A. Zemlja na chashe vesov [Earth in the Balance], Novaja postindustrial'naja volna na Zapade. Antologija, – M.: Academia, 1999, p.p. 568, 569, 571. (In Russ.)

13. Levashov V.K. Globalizacija i social'naja bezopasnost' [Globalization and social security], Sociologicheskie issledovanija, 2002, № 3 (215). (In Russ.)

14. Mamedov N.M. Reguljativnaja rol' kul'tury v perehode k ustojchivomu razvitiju [Regulatory role of culture in the transition to sustainable development], Jekologija i ustojchivoe razvitie: Uchebnoe posobie, – M.: Izd. centr MGADA, 2013, p.p. 254–262. (In Russ.)

15. Karpichev V.S. Vospominanie o budushhem. Neizvedannye tropy upravlenija. Avtorskaja antologija [Remembering the future. Uncharted trails control. Author's anthology], 2-e izd., dop. – M.: Izd-vo «Prospekt», 2013, p.p. 13–14. (In Russ.)

16. Knjazeva E.N., Kurdjumov S.P. Osnovanija sinergetiki: Sinergeticheskoe mirovidenie [Grounds for synergy: synergistic world view], Sinergetika: ot proshlogo k budushhemu, № 20, Izd. 3, dop. – M.: URSS, 2010. (In Russ.)

17. Anohin P.K. Operezhajushhee otrazhenie dejstvitel'nosti [Anticipatory reflection of reality], Voprosy filosofii, 1962, № 2. (In Russ.)

[1] Вебер М. Город. Понятие и категории города // Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1994. – С. 309.

[2] Морен Э. Возрожденная и порождающая организация // Метод. Природа Природы. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – С. 388.

[3] Казанцев В.И., Светуньков М. г. Социология города: учебно-методическое пособие. – Ульяновск: УлГТУ, 2004. – С. 127.

[4] См.: Моисеев Н.Н. С мыслями о будущем России. – М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997.

[5] Сорокин П.А. Явление взаимодействия как коллективное единство // Теоретическая социология: Антология. В 2 ч. Ч. 2. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – С. 170.

[6] Князева Е.Н. Синергетически конструируемый мир // Синергетика: будущее мира и России. – М.: ЛКИ/URSS, 2008.

[7] См.: Бурдье П. Опыт рефлексивной социологии // Теоретическая социология: Антология. В 2 ч. Ч. 2. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – С. 376.

[8] См.: Яшина г.А. Москва: от Кремля до окраин России? / федеральное интернет-издание «Капитал страны». 18.01.2012.

[9] Цит. по: Вильковский М.Б. Социология архитектуры. – М.: Фонд «Русский авангард», 2010. – С. 33–34.

[10] Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. – М.: «Аграф», 1998. – С. 334.

[11] См.: Трофимов В.К. Душа России: истоки, сущность и социокультурное значение русского менталитета: Монография. 2-е издание, исправленное и дополненное. – Ижевск, 2010. – С. 333.

[12] См.: Гор А. Земля на чаше весов // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М.: Academia, 1999. – С. 568, 569, 571.

[13] Левашов В.К. Глобализация и социальная безопасность // Социологические исследования. 2002. – № 3 (215).

[14] Мамедов Н.М. Регулятивная роль культуры в переходе к устойчивому развитию // Экология и устойчивое развитие: Учебное пособие. – М.: Изд. центр МГАДА, 2013. – С. 254–262; Декларация прав культуры Д.С. Лихачёва и проблемы современного мегаполиса. Сборник докладов участников международной научно-практической конференции. Казначеевские чтения. 2009. № 3.

[15] См.: Карпичев В.С. Воспоминание о будущем. Неизведанные тропы управления. Авторская антология. 2-е изд., доп. – М.: Изд-во «Проспект», 2013. – С. 13–14.

[16] См. об этом: Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики: Синергетическое мировидение / Синергетика: от прошлого к будущему. № 20. Изд. 3, доп. – М.: URSS, 2010.

[17] Анохин П.К. Опережающее отражение действительности // Вопросы философии. – 1962. – № 2.